

Равиль Вахитов

Долгий путь домой

Равиль Вахитов

Рисунок Абитовой Яны, 11кл.

ДОЛГИЙ ПУТЬ ДОМОЙ

Общественное объединение "Равные возможности "Drean -Мечта" (председатель правления Ринат Джаналиев) выражает огромную благодарность Мэрии города Каракол и Каракольскому городскому Кенешу за помощь в издании книги "Долгий путь домой", посвященной 70 - летию Победы над фашистской Германией в Великой Отечественной войне и международному Дню узника.

ВОЙНОЙ ОБОРВАННОЕ ДЕТСТВО

Люди удивительной судьбы... Пожалуй, эти слова в полной мере можно отнести к жительнице Каракола Вере Павловне Мусиенко. Мало кто знает, какие ей пришлось выдержать испытания и ужасы военного лихолетья: потерю близких, фашистский концлагерь, голод, холод, издевательства, побои. Но она выжила вопреки всему, смогла получить образование, стать востребованным специалистом.

Сегодня Вера Павловна находится на заслуженном отдыхе. Тридцать четыре года она отработала бригадиром в переплетном цехе Иссык-Кульской областной типографии. Её имя известно многим каракольцам, потому что она всегда жила нуждами и заботами горожан, старалась помочь каждому, покоряла людей доброжелательностью, умением слушать и близко к сердцу принимать чужие радости и горести. Всегда была в числе передовиков на производстве, многие годы избиралась членом областного комитета Компартии Киргизии, секретарем областного совета профсоюзов на общественных началах. Подтверждением этому являются многочисленные республиканские и областные, партийные и профсоюзные грамоты, трудовые медали.

Рассказ о детстве Веры Павловны я слушал, затаив дыхание. Сколько же выпало на долю этой замечательной и удивительной души женщины! Ей тяжело было вспоминать годы неволи. "Идет время, и новое поколение все меньше знает о

нацизме, все меньше читает книг о войне и об ее героях, но забывать об этом нельзя, — посетовала в беседе В. Мусиенко. — Во все времена для человека самым страшным испытанием была война. Мне исполнилось всего семь лет, когда я попала в концлагерь и на себе познала все "прелести" нацистских "фабрик смерти", где никто из узников не знал, что случится с ним сегодня и будет ли он жить завтра. Каждый день был для нас как последний. С тех пор прошло более 70 лет, а я и сейчас не могу сказать, как хватило тогда сил мне выжить. Да, одним из самых чудовищных преступлений фашистских палачей было заточение и уничтожение детей в концентрационных лагерях. Война - это не только человеческие жертвы, потери в бою, это и нравственные потери, это, прежде всего наше изуродованное, искалеченное детство, отчаянье и горе матерей. Во все времена, во всех войнах были убитые и пленные, но ни в одной войне так не страдали дети. День и ночь дымили крематории бесчисленных лагерей смерти в Германии и Польше. В годы Второй мировой войны дети оказались самыми незащищенными среди тех, кому пришлось жить на оккупированных территориях. Сотни тысяч детей с матерями или без них оказались в концентрационных лагерях.

"Если не забывать о войне, будет много ненависти, а если забыть — начнется новая война", — говорили в древние времена. Необходимо сохранять память о горьких и славных страницах истории. В народе говорят: "в рубашке

родился". Это обо мне и о тех, кто был узником концлагерей, но остался жив. У каждого из нас своя судьба, свои переживания, свое горе, но в то же время в наших судьбах много общего, — сказала, заканчивая рассказ о своем детстве, Вера Павловна. — Малолетним узникам, пережившим ад гитлеровских концлагерей, не забыть прошлого. В годы войны более одного миллиона детей и подростков находились в концентрационных лагерях и подлежали уничтожению. Многие были принудительными донорами, биологическим сырьём для преступных медицинских экспериментов, малолетними рабами, живым прикрытием в ходе военных операций.

Тяжело тому, кто помнит все и носит боль в глубине своего сердца. Зарубцевались раны на теле, но раны на сердце остались на всю жизнь. Я надеюсь, что мои воспоминания о малолетних узниках концлагерей помогут молодежи правильно оценить ужасы фашизма".

Рисунок Агибаевой Ширин, ДОЦ г.Каракол.

ПРЕДИСЛОВИЕ

История, которую вы прочитаете, подлинная, произошла она много лет назад. Была самая короткая ночь в году. Люди мирно спали. Фашистская Германия во главе с Гитлером 22 июня 1941 года напала на наше государство, которое называлось Советским Союзом. Враг был сильный и опасный. Над страной нависла смертельная угроза. Фашисты хотели захватить советскую землю, а её граждан сделать рабами. В составе Советского Союза было 15 братских республик. Жители всех республик объединились и встали на защиту своего Отечества. 1418 дней и ночей продолжалась война. Во время ожесточенных боев и сражений в Великой Отечественной войне в Советском Союзе погибло 27 миллионов человек. Восемь миллионов погибших были мирные люди, оказавшиеся на захваченной гитлеровцами территории. Многие из них находились в немецких концлагерях, подвергались жестоким пыткам и издевательствам. Пять миллионов погибли в фашистских застенках, каждый пятый из которых был ребенком. Одна из малолетних узниц концлагеря Татьяна Миронова написала мужественное и печальное стихотворение:

*Мы все войны минувшей дети,
С тяжелой, горькою судьбой.
А сколько тех на белом свете,
Кто так и не пришел домой.*

*Мы помним нары, помним плети
И у печей предсмертный вой.
Мы лагерей фашистских дети,
И долги был наш путь домой.*

История, которую вы прочитаете, написана мной и посвящается она маленькой девочке Вере Ивановой. В основе её лежит только правда! Всё это было. Правда и то, что Вера очень любила жизнь, родителей, Родину, друзей. Давно это было, но только не для тех, кто был в фашистских застенках. Детство, проведенное малолетними узниками за колючей проволокой в концлагерях, всегда будет примером мужества и стойкости для нас. Память о той страшной войне мы должны сохранить в наших сердцах.

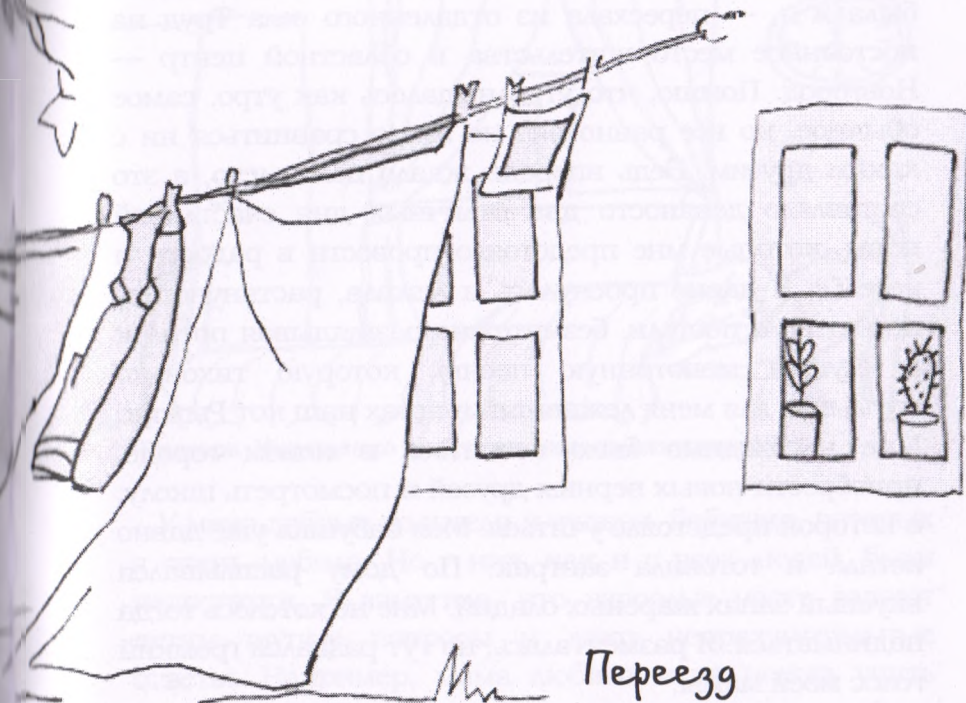
Равиль Вахитов

Рисунок Женалиевой Жаркынай, 5кл, школа-гимназия №11.

Рисунок Рузиевой Саёры, 8кл, сш №6.

Переезд
Родители
Дом
Школа
Бабушка

Это было очень-очень давно. Мне только должно было исполниться семь лет, когда в моей жизни начали происходить важные события, о которых я хочу рассказать.

Когда наступило утро первого июня, пришло долгожданное лето. Наша большая семья Ивановых:

папа, мама, бабушка и шестеро детей, в числе которых была и я, — переехала из отдаленного села Труд на постоянное место жительства в областной центр — Новгород. Помню, что утро выдалось как утро, самое обычное, но все равно оно не могло сравниться ни с каким другим. Ведь впереди ждало целое лето, а это составляло девяносто два отличных дня счастливой поры, которые мне предстояло провести в радости и веселье. Я давно проснулась и лежала, растянувшись вольготно в постели, безмятежно разглядывая потолок и слушая монотонную песню, которую тихонько мурлыкал для меня лежавший в ногах наш кот Рьжик. Мне необходимо было освоиться в новом городе, приобрести новых верных друзей и посмотреть школу, в которой предстояло учиться. Моя бабушка уже давно встала и готовила завтрак. По дому расплывался вкусный запах жареных оладий. Мне не хотелось тогда подниматься. Я размечталась, но тут раздался громкий голос моей мамы:

- Веруня, вставай! Сходи за молоком!

Мне ужасно не хотелось вылезать из-под одеяла. И я еще добрых пять минут нежилась в кровати, перед тем как встать. У меня настоящее имя Вера, но в нашей семье все привыкли звать меня Веруня. Этим я обязана своей сестре Жене, которая старше меня на восемь лет, и мне приходится её слушаться. Она первая стала так называть меня. Мне же оно абсолютно не нравилось. Я считаю, что всем маленьким детям надо давать временные имена. А когда мальчик или девочка станут большими, то пусть тогда и решают, оставлять это имя себе или нет. А может, человек захочет и возьмет совсем другое имя!

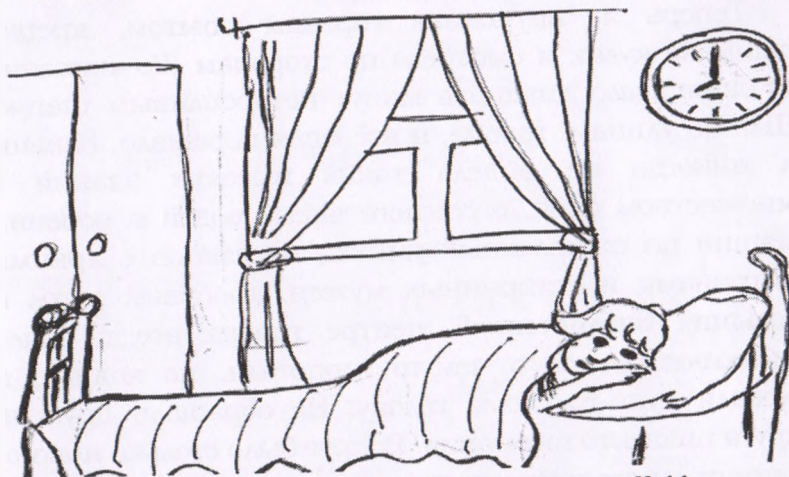
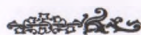
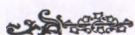

Рисунок Марущенко Анастасии, школа-гимназия №11.

У меня добрые родители и чудная бабушка, которых я очень любила. Но у них, как и у всех людей, были недостатки. Я заметила, что взрослые часто задают детям глупые вопросы и дают невразумительные ответы. Например, мама любила меня всегда учить уму разуму. Пока я умывалась и приводила себя в порядок после сна, она стояла уже возле умывальника и не промедлила с замечанием в мой адрес:

- Пойдешь в магазин - деньги держи в руке! Не суй их, пожалуйста, больше в бидон, как вчера!

- Теперь мама мне будет об этом случае постоянно напоминать все лето, - подумала я с тоской.

Вчера, когда мне налили молоко, продавщица магазина протянула руку за деньгами. Я сказала ей, что они остались в бидоне, потому что боялась их потерять. Вся очередь начала смеяться. Молочница покраснела, отставила бидон в сторону, посмотрела презрительно и заставила меня вновь сбегать домой за деньгами.

Теперь я, наученная горьким опытом, крепко сжимала кулак и смотрела по сторонам. До магазина от дома было двадцать минут неторопливым шагом. Шла по улицам города, и всё меня поражало. Раньше я никогда не видела таких высоких зданий с множеством окон, огромного числа людей и верениц машин на оживленных улицах, магазинов с яркими витринами и старинных музеев, красивых школ и больших библиотек. В центре города всегда было многолюдно, все о чем-то хлопотали, не ходили, а бежали куда-то сломя голову. Не обращали друг на друга никакого внимания. Вокруг было столько нового, удивительного и интересного...

В магазине меня после вчерашнего случая запомнили. Когда вновь увидели, стали перемигиваться между собой. Видно уже ждали, что я еще могу отчебучить. Пока я стояла в очереди, продавщица с любопытством поглядывала на меня, как на старую знакомую. Начав рассчитывать, я сделала вид, что достаю деньги изо рта. Потрясла головой, они и посыпались на прилавок. И так правдоподобно всё у меня вышло, что глаза у продавщицы стали круглыми. Лицо её покраснело, и она прошипела:

- Без мамы больше не приходи! Ах, ты какая! Присылают сюда таких глупых и непослушных мальшей!

Так для меня с такой мелкой неприятности началось лето тысяча девятьсот сорок первого года. Конечно, это невежливо с моей стороны, но очень смешно и здорово получилось. Все-таки хорошо фокус удался. Ух, и разозлилась она! Очень веселая минутка получилась! Недаром я была

Рисунок Руслановой Нуркыз, 7кл, школа-гимназия №11.

Рисунок Адылбековой Айзирек, 5кл, школа-гимназия. №11.

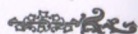
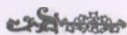

Рисунок Козловой Юлии, 10кл, сш. №6.

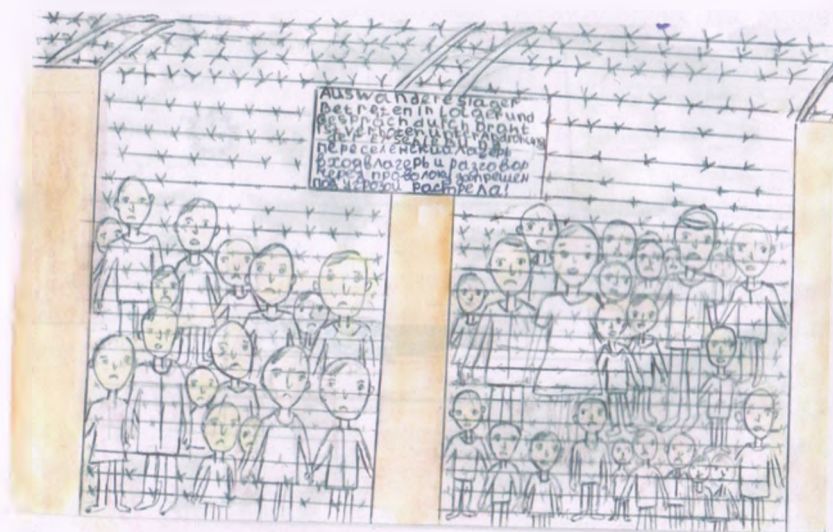

Рисунок Козловой Юлии, 10кл, сш. №6.

заводилой во всех проказах среди подруг. Я была бойкая девочка. Со мной каждый день происходили забавные случаи. Рассказывать о них – пустая трата времени. Молочная проблема для меня довольно просто и быстро разрешилась. Моя бабушка Мария позволила одевать в магазин новое красивое платье с большими карманами, о котором я так долго мечтала. Оно мне очень шло. Да и продавщицы теперь радовались моему приходу, мы познакомились и сдружились.

Бабушке было уже за восемьдесят лет, она горбилась и при непогоде еле-еле ходила. Ей нельзя было сильно волноваться, у неё болело сердце. На голове у неё были совершенно седые волосы. Отличалась она всегда своей общительностью, любила со всеми поговорить по душам. Про неё все знакомые говорили, что в ней есть особое обаяние, которое привлекает многих людей. Она была главной в нашей семье. Её побаивались и папа, и мама. Бабуля была мастером на все руки, учила меня многому. Например, как вязать. Благодаря её урокам, я уже довольно ловко орудовала спицами. Вся наша семья её стараниями была обеспечена носками, шарфами и варежками. Особую строгость бабуля напускала на себя за столом, когда вся семья собиралась за обедом. Она не разрешала детям ставить локти на стол, стучать ложками по тарелкам и стаканам, облизывать их. При этом она постоянно повторяла:

- Нельзя за столом вести себя, как свиньи! Нельзя высасывать суп из ложки и чавкать!

Я с бабушкой, правда про себя, была не совсем согласна, считая, что в издаваемых мною звуках при помощении еды есть настоящий вкус и смак. Ещё она

строго - настрого запрещала нам разговаривать за столом. Мне это было делать нетрудно. Тяжело приходилось Саше и Боре. Они ежесекундно обсуждали новости улицы. Тогда бабушка начинала в упор, не мигая, смотреть на болтунов. Наша бабуся становилась в эти минуты похожей на удава и гипнотизировала моих братьев, как в сказке Киплинга. Мальчишки разом умолкали, уловив её тяжёлый взгляд.

Когда я её слушалась, бабушка всегда была в хорошем настроении. И тогда она мадила меня по голове. В этом году пришла пора мне пойти в первый класс, и приходилось серьёзно готовиться к этому знаменательному событию. Знала и о том, что если тебе уже семь лет, то надо обязательно уметь читать и считать. Моя мама, Ольга Николаевна, собиралась в ближайшее время пойти в школу рядом с нашим домом, записать меня на учебу и познакомиться с моей будущей учительницей. Маме так же необходимо было отнести директору школы личные дела сестры Жени, братьев Сашки и Бори. Мне было любопытно. Я вместе с ними собиралась сходить и посмотреть на свою будущую школу. Вездесущие братья, еще только приехав, узнали и рассказали, что там сейчас идут экзамены, а после выпускного вечера начнется ремонт. Думаю, что школа к новому учебному году станет как новенькая, и в ней приятно будет учиться.

Для себя я твердо решила, что с первых уроков стану крупной отличницей. Буду стараться, чтобы во всех школьных делах быть первой. Мне очень хотелось быстрее получить новенькие учебники, одеть красивую форму и сесть за школьную парту. О предстоящей учебе не приходилось беспокоиться.

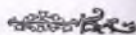
Бабушка Мария ежедневно занималась со мной арифметикой и чтением, письмом и рисованием. Она рассказала много интересного о буквах и цифрах. Из букв я научилась складывать слова, а когда бывала в центре города с родителями, то всегда считала: сколько окон в доме, сколько этажей, машин на улице. Когда я занималась таким устным счетом, родителям это нравилось. Они одобряли и поддерживали, когда я довольно бойко читала подряд различные красочные вывески. Узнавала у папы с мамой, что они означают. Как я хотела, чтобы быстрее наступило первое сентября! В этот день предстояло идти в школу! И это будет так здорово! Ещё ничего в жизни я не ждала с таким нетерпением. Ужасно хотелось быть рядом с Женей, Сашей и Борей. Делить с ними радости и неудачи. Мне говорили, что после окончания школы я буду знать всё, и меня будут называть Вера Павловна.

Занимаясь со мной, бабушка Мария частенько мне повторяла:

- Отметки чтобы плохие не приносила домой! Бери пример со старшей сестры и братьев! Подрастешь, будешь помогать своим младшим братьям Коле и Володе!

- Оценки отличные в таблице будут всегда, младшим братьям обязательно помогу в подготовке уроков! Куда мне деваться от наших малышей, – с уверенностью заверяла я её, разводя руки в стороны...

Бабушка в ответ на скорые обещания, чуть посмеиваясь, искоса поглядывала на меня, качая своей головой. Она могла быть строгой и веселой, рассказывала внукам замечательные сказки и захватывающие истории, которые происходили с ней в деревенской жизни. Как и все старые люди, часто

повторяла рассказанное, но звучали давно услышанные сказки и истории всегда по-новому. С её губ слетали чудесные слова и совсем другие, новые выводы, которые заставляли задумываться.

Поселилась наша семья в небольшом деревянном доме, который был уютный, старой застройки. Находился он на краю города по улице Кировской, которая тянулась вдоль берега Волхова. Дом достался нам в наследство от папиных родителей. На следующий год отец собирался его отремонтировать и расширить. Семья у нас была большая. Папа мой был плотником и строил новые дома в городе. Он не боялся никакой работы. Про него говорили, что у него золотые руки. На стройке его ценили и уважали. От мамы и бабушки не раз слышала, что я вся в отца, а значит буду очень счастливой. По их словам выходило, что мальчики должны быть похожи на своих мам, а девочки – на пап. Только тогда детям будет везти в жизни.

Жить нашей семье приходилось очень экономно. Нелегко приходилось, но семья у нас была дружная. И мы по подсчетам бабушки должны были скоро справиться с трудностями и зажечь хорошей жизнью. Бабуля с утра до вечера погружалась в хозяйственные заботы, все считала и записывала. Очень не любила, когда кто-нибудь из нас сидел без дела. Внукам часто доводилось слушать её любимое изречение:

- Будете баклуши бить, с голоду помрете!

Мне, казалось, что она все знает, что только можно знать на свете.

Во дворе у нас были большие веревочные качели, на которых мои братья, сестра и соседские дети любили качаться. Они неудержимо притягивали к себе детей.

Дух захватывало у каждого от стремления летать вперед и назад, при этом подниматься все выше и выше. Когда мы собирались вместе, веселились всегда от души, совершенно забывая обо всем на свете. Ребята с нашей улицы знали много игр и интересно проводили свободное время. Мои старшие братья Саша и Боря лучше всех на улице играли в футбол, лапту и городки, быстрее всех бежали в догонялки.

Хорошо помню Волхов, который делил город на Софийскую и Торговую части. Мы жили на Торговой стороне и любили гулять с новыми подругами на реке, играли в догонялки, в прятки, прыгали через скакалку, бежали до темноты на берегу. А потом, когда невозможно было ничего разглядеть, мы возвращались в свои дома. Наши игры, считала я, были лучше всяких праздников. Дома у калитки меня всегда поджидала бабушка, которая очень волновалась за меня.

Мне предстояло еще многое обо всем узнать. Каждый день приносил все новые и новые впечатления. Но я все-таки с трудом привыкала к городской жизни в большом Новгороде и очень скучала по родному селу, где остались мои любимые подружки, корова Чернуха и пес Тузик. Но об этом я никому не говорила, чтобы надо мной не смеялись.

На улице, куда мы переехали, по обе стороны стояли вплотную друг к другу одноэтажные и двухэтажные дома, обнесенные заборами, а за ними - сады и огороды. У каждого дома были скамейки, которые в теплое время не пустовали. Особенно летом. По вечерам к ним выходили хозяева с соседями и делились новостями, да свежими байками.

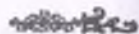

Рисунок Канатбек кызы Дианы, бкл, школа-гимназия №11.

Больница
Ожидание
Подвал
19 августа

Когда началась война, я болела брюшным тифом и лежала в детской больнице, расположенной на Софийской стороне, на противоположном от нашего дома берегу реки. В городе во всю свирепствовала эпидемия брюшного тифа. Во многих учреждениях был объявлен карантин. Заболела я неожиданно для всех. Мы с

сестрой Женей и новыми подружками, играя возле реки, нашли огромную глубокую лужу, образовавшуюся после дождя, и начали в ней возню, брызгая друг на друга теплую жижу. Ночью у меня резко поднялась температура. Я мучилась кошмарами, бредом, вся горела не могла шевельнуться. Вызвали доктора, и меня срочно в тяжелом состоянии отправили в больницу. Мои родители очень беспокоились и не спали несколько ночей, пока у меня был жар. Я не любила болеть. Когда здоровье пошло на поправку, то я с нетерпением начала ждать день своей выписки.

Война к нашим родным местам приблизилась очень быстро. В городе часто объявляли воздушную тревогу. Звуки сирены неслись из чернеющих репродукторов, установленных на

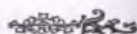
Рисунок Шаяхметовой Сабины, 7кл, школа-гимназия №11.

крышах этажных домов и телеграфных столбах. Один репродуктор установили во дворе больницы. От пронзительного и протяжного взывания становилось страшно. Затем обычно раздавался размеренный голос диктора: - Граждане, воздушная тревога! Воздушная тревога!

В небе появлялось много вражеских самолетов с черными крестами, и начиналась бомбежка. Они сбрасывали тысячи тяжелых бомб и зажигалок, которые взрывались и горели одна за другой. Пламя охватывало крыши и деревянные дома. В ответ начинали грохотать наши зенитки. Люди, находившиеся в это время на улицах, начинали бегать в поисках укрытия. Нас, маленьких пациентов инфекционного отделения, медсестры быстро отправляли вниз в глубокое подвальное помещение больницы. И чем ближе приближалась война к городу, тем чаще и дольше мы сидели в убежище. Я не хотела спускаться в укрытие. Подвал был ненадёжный, там раньше хранилась картошка и морковь. В нём было очень неудобно, от пола несло холодом, сыростью и плесенью. В подвале не было электричества. Когда мы спускались вниз, то зажигали керосиновую лампу, от света которой на стенах начинали плясать наши тени. Мы, точно воробьи, усаживались рядком на скамейках, замирали, и в укрытии наступала напряженная тишина. Однако подолгу находиться в темноте нам было трудно. Всем хотелось света. Сидишь в укрытии и думаешь, когда эта война закончится, как она надоела детям и взрослым. Лестница в подвал была

длинной, я насчитала двадцать пять стертых ступеней. Все до одной они были кривые и с большими щелями. На них тоже сидели дети, которым не хватило места, и те, кто опаздывал. Иногда самолеты пролетали над самой крышей больницы. Если бомба падала вблизи, то стены вздрагивали от грохота, в подвале сыпалась штукатурка, наполняя все помещение пылью. Дети кашляли, кому попадала в горло эта отвратительная пыль. Еще от неё очень хотелось пить, у меня всегда сохло во рту. Малыши начинали плакать. Страх был и на наших лицах. Мы очень переживали, чтобы нас не засыпало, и сосредоточенно прислушивались к разрывам. Я храбрилась и старалась не показывать никому своей боязни. На такой подвал, считала я, хватило бы и маленькой бомбы. Думали так и взрослые, поэтому дверь в укрытие всегда оставалась открытой. Мы стали привыкать к бомбежкам. Трудно, когда тебе не хочется быть ни внутри подвала, ни снаружи. Просто нигде, очень хотелось взять и исчезнуть, пока идет бомбежка.

Когда мне приходилось подолгу находиться в укрытии, то я вспоминала, как в бабушкиных сказках с могущественного неба шли волшебные дожди, сыпались румяные яблоки и летали ковры-самолёты, а у нас в городе с неба уже два месяца падали лишь бомбы, бомбы... Когда немецкие самолеты, отбомбившись, улетали, все стихало, все начинали радоваться, что подвал уцелел, мы остались живы и больница не разнеслась вдребезги. Из репродуктора слышалось:

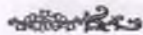
- Воздушная атака отбита. Отбой! Отбой!

После команды мы вскакивали, а затем организованно выходили из убежища. Наша больница стояла целехонькая на своем месте, только стекла с парадной стороны в большинстве окон повывлетали. В десятых числах августа из-за угрозы окружения и захвата Новгорода моему отцу Павлу Ивановичу, когда он в очередной раз пришел меня проведать, врачи сообщили, чтобы он срочно принёс одежду и быстрее забрал меня из больницы. Обстановка на фронте накалилась, и в любой момент в городе могли появиться немцы.

Предупредили и меня, чтобы я была готова, когда за мной придет кто-нибудь из родителей. Все эти дни я постоянно крутилась у окна в томительном ожидании отца: то стояла у подоконника, прижимаясь носом и заплаканным лицом к стеклу, то садилась на высокий стул и

Рисунок Шаяхметовой Сабины, 7кл, школа-гимназия №11.

напряженно, не отрывая глаз, смотрела в опустевший двор. Но мой отец так и не пришел. Я не знала, что и думать:

- Неужели меня забыли родители? А вдруг дома случилась беда?

И от этих мыслей на душе было тревожное предчувствие. Уже потом я поняла, что в тот августовский день у меня оборвалось детство. Вся жизнь в нашей семье перевернулась, и во всем была виновата эта страшная война.

В те дни фашисты штурмовали Новгород, ставший фронтовым. На подступах к нему шли упорные и ожесточенные бои. Мосты через Волхов были взорваны и разрушены. Город подвергался мощному непрерывному обстрелу, били вражеские минометы, рвались снаряды, стоял сильный треск, вой и рев немецких самолетов. Все установки воздушной тревоги молчали, по всей видимости, они были полностью разбиты. Казалось, что потемневшее небо разорвется от грохота взрывов. Рушились стены домов, сметались с земли жилые кварталы и все, что попадало под разрывы снарядов. Небо окутали клубы дыма и огня, горели учреждения и жилые дома. Через город текли нескончаемые потоки беженцев и отступающие части Красной армии.

Утром 19 августа в Новгород вошли немецкие солдаты и техника. По главным улицам города грозно с рокотом ползли танки с черной паучьей свастикой, двигались грузовики с прицепленными к ним пушками, легковые машины, катились самоходные орудия и проносились мотоциклы.

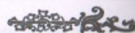

Рисунок Жаныбекова Санжара, 5кл, школа-гимназия №11.

Рисунок Рузиевой Камиллы, 6кл, школа-гимназия №11.

Рисунок Жакшылык кызы Самары, 6кл, школа-гимназия №11.

Рисунок Пазылджановой Фирузы, 7кл, школа-гимназия №11.

Рисунок Марущенко Анастасии, школа-гимназия №11.

Голог
Изгнание
Лодка
Переправа
Окраина

Наша детская больница в одночасье стала военным немецким лазаретом. Почти всех детей родители забрали по домам, а оставшимся: кому куда было идти и кого не смогли забрать вовремя - всех в один момент выпнали из больничных палат. Нас было мало, всего восемь детей дошкольного возраста. Госпиталь быстро наполнился немецкими врачами, медсестрами и гитлеровскими солдатами. Раненые не обращали никакого внимания на небольшую кучку малышей во дворе. У них были более важные проблемы и заботы. Постоянно подъезжали фырчащие грузовики, с которых разгружали какие-то ящики с оборудованием и всем необходимым для обустройства госпиталя. Вокруг машин суетились фашисты. Слышалась чужая речь. В больничном дворе был беспорядок, всюду валялись никому не нужные бланки и отчеты, склянки и мусор, полыхал костер, в котором горели груды документов.

Для нас, оставшихся детей, началась отвратительная жизнь. Мы попрятались и избегали встреч с фашистами. У меня при виде гитлеровцев мурашки по коже начинали бегать. Один раз я

столкнулась с фашистом в буквальном смысле. Он сидел на крыльце и играл на губной гармошке. На нем была голубая форма, не похожая на немецкую, а был он сам с очень темной кожей. Поманив меня пальцем, дождался, чтобы я подошла поближе, и начал пристально разглядывать меня. Смотрел почти дружелюбно. Фашист стал наигрывать веселую мелодию, помахивая весело рукой. Он давал сигнал, чтобы я начала танцевать. Я старалась на него не смотреть. Вся съежилась и стояла как вкопанная, обмирая от страха. Больше всего на свете в эти минуты мне хотелось убежать. Я не двигалась, ноги стали деревянными. Солдат вдруг рассвирепел. Он указательным пальцем приподнял мой подбородок и рукояткой пистолета неожиданно сильно ударил меня по голове. Я упала с разбитой головой, разрыдалась и отползла в сторону. Дети, увидев такое отношение, в испуге застыли, а через мгновение с криками разбежались. Мне пришлось вместе с другими перепуганными полураздетыми ребятами скрываться за густыми колючими кустами у больничного забора. У меня болела и кружилась голова. И было такое чувство, что все в голове раскрошилось. Прошло несколько беспризорных дней, наполненных тревожным ожиданием. О нас никто не заботился и не вспоминал. Спали мы вповалку на земле. Укрывались ночью подобранными на свалке старыми мешками. Мы вообще ничего не ели.

Постоянный голод заставлял нас рыться и искать в мусорном баке что-нибудь съедобное.

Приходилось сжевывать картофельные очистки прямо с кожурой, от которых потом долго тошнило. У нас наворачивались слезы, и мы плакали. Приходилось совершать украдкой набеги на бывший больничный огород, чтобы надёргать морковку и лук из грядок. Вскоре на наши вылазки обратили внимание повара и солдаты из обслуги госпиталя. Ими были приняты жесткие меры по нашему немедленному изгнанию.

В суматохе, когда детей начали грубо выпроваживать с территории больницы, я увидела, как здоровый фашист с размаху ударил в плечо трехлетнего Юру Тимофеева. Ребёнок отлетел кувыркком и закатился в рёв во весь голос. Юра был худенький и тоненький, как былинка. Малыш сильно испугался и не мог толком понять, что происходит вокруг. Почему все так разом переменялось. Он отполз в сторону. Сжавшись и втянув головку в плечики, Юрочка сидел за кустами и громко плакал.

— Не плачь! — прошептала я ему. — Пойдем вон туда... - и потянула за собой самого маленького пациента нашего отделения.

- Зачем он бьет. Ведь Юра не сделал ничего плохого ему, - подумала я.

Дети, испугавшись такого обращения, мгновенно разлетелись от испуга в разные стороны. Сначала мы с Юрой ползком продирались сквозь густые заросли кустов, а затем, поднявшись на ноги, пролезли через большую дыру в заборе и быстро, не оборачиваясь, направились в сторону Волхова.

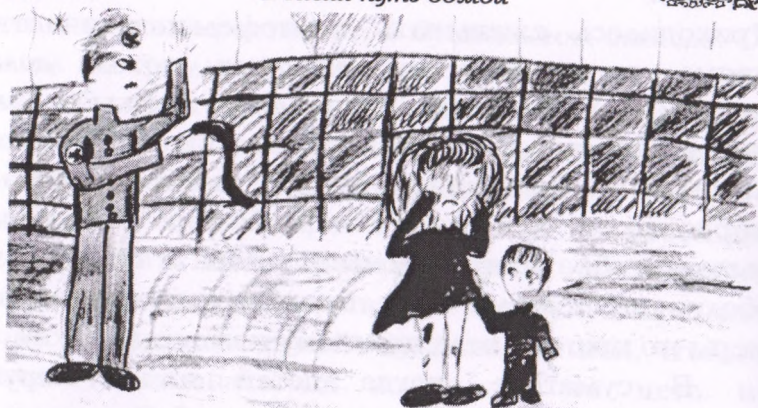

Рисунок Идыровой Алие, 6кл, школа-гимназия №11.

Рисунок Эркинбек у. Кайрата, 7кл, школа-гимназия №11.

Юра не отставал, несмотря на больное плечо, старательно принаравливая свои маленькие шажки к моим шагам. Отойдя подальше от больницы, мы спрятались в развалинах заброшенного дома. Я подумала, что в больнице со мной за эти дни приключилось столько, сколько за всю жизнь не происходило.

Весь день мы, притаившись, просидели под его крыльцом, с ужасом вслушиваясь в гул проезжающих грузовых и легковых машин, в шаги проходивших мимо развалин немецких солдат. Нам казалось, что это нас ищут и сейчас за нами придут. От страха мы не спали. Ночью я с Юрой решила спуститься к берегу Волхова. Пробирались в темноте, спотыкаясь о камни, падали в канавы, мы старались быстрее покинуть опасное место. Вскоре мы забрались под опрокинутую старую лодку. Там нас никто не видел. Здесь и провели первую ночь. От лодки пахло рыбой и тиной. На берегу было совершенно безлюдно и тихо. Многоголосый шум Новгорода почти не достигал этой пустынной окраины. Иногда доносился гул пролетающих немецких самолетов.

Ночь на берегу выдалась спокойная: не стреляли пушки, не взрывались снаряды, не светились в небе ракеты, но я не могла долго уснуть. Укрылись мы большим старым мешком, найденным неподалеку. Возле меня, прижимаясь, лежал бормочущий во сне маленький Юра. Он здорово устал за эти суматошные дни. Боль в плече у него утихла. Поэтому быстро уснул и притих, но вскоре начал возбужденно разговаривать во сне:

- Мама! Мама! – звал малыш. Мне стало очень жалко его, наверное, ему снился тревожный сон.

-Я здесь, здесь, – пришлось прошептать мне на ушко и прижаться щекой к щеке Юры. Он тут же успокоился и мирно зачмокал губами.

- Какой же ты еще маленький! Теперь я за тебя заступаться буду, - подумала я. Вскоре Юра засопел и улыбнулся во сне. Плохой сон ушел от него.

Мне хотелось кушать. Трава, на которой мы лежали, пахла теплом позднего лета. В ночи вокруг лодки что-то шелестело, двигалось, ползло, хотя никого не было вокруг. Это была такая темнота, состоящая из ужасных шорохов и странных звуков. Я начала жевать попадавшие под руку в темноте травинки, вспомнила своих родителей, немного поплакала, а когда успокоилась, то незаметно для себя крепко уснула. Сны ко мне приходили в эти дни неслышно, а уходили бесшумно, словно скользя по мне.

Когда мы обвыклись на новом месте, немного осмелели, я захотела отправиться к своему дому. Сидеть и ждать было не в моем характере. Нельзя совсем опускать руки. Съестные припасы наши заканчивались. На следующее утро я проспала. Открыла глаза, когда яркое солнце стояло уже высоко. Наступил полдень, подниматься не хотелось. Но я вспомнила о своих родителях и быстро встала. Я помотала головой, чтобы быстро разогнать свой сон. Мне пришлось очень осторожно выбираться из-под мешка, чтобы не разбудить моего маленького спутника. Умывшись, я заглянула под лодку.

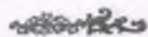

Рисунок Марущенко Анастасии, школа-гимназия №11.

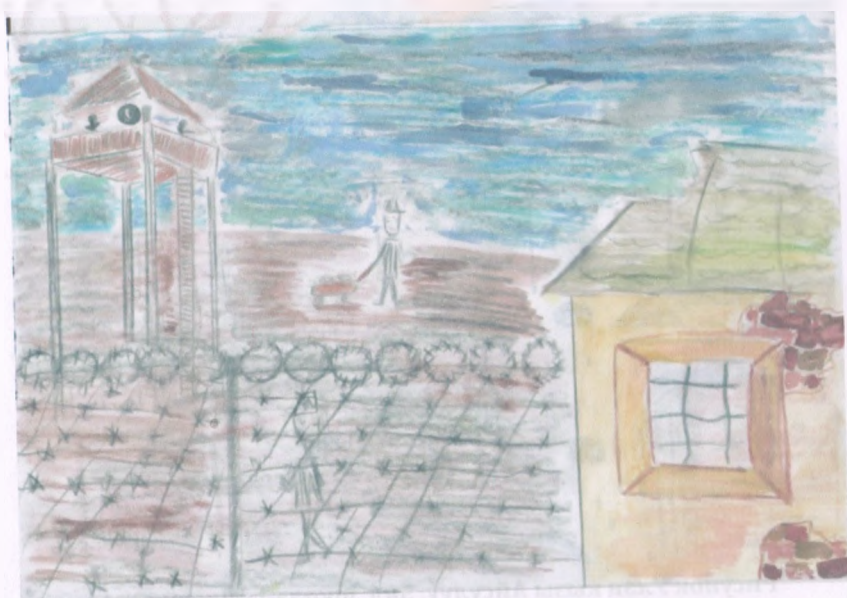

Рисунок Тимофеевой Кристины, 7кл, школа-гимназия №11.

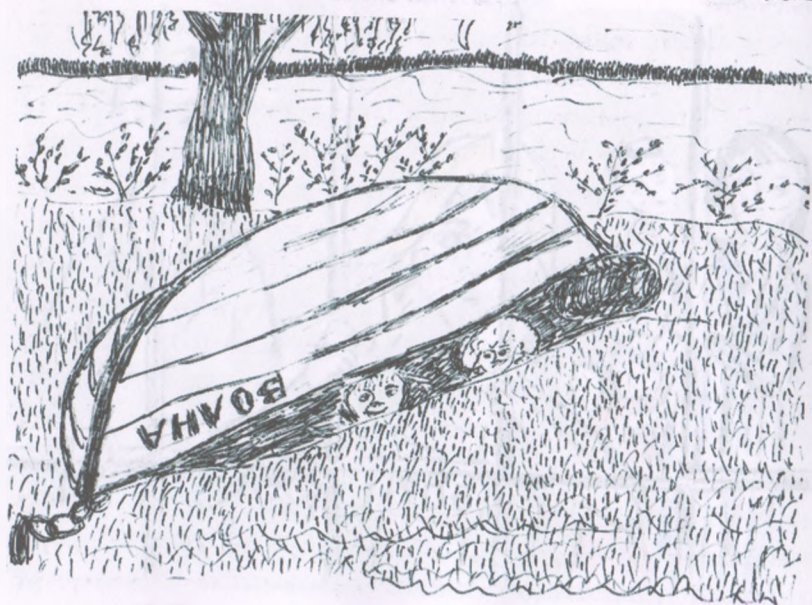

Рисунок Марущенко Анастасии, школа-гимназия №11.

Рисунок Улан кызы Айсулуу, 5кл, школа-гимназия №11.

Мальчик уже открыл глаза и смотрел на меня ясными и доверчивыми глазами.

– Юра, ты проснулся! Даже будить тебя не пришлось, – удивилась я.

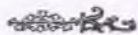
Когда он встал, мы с аппетитом доели с ним последнюю припасенную морковь, вывернули наизнанку грязный мешок, служивший нам одеялом, отыскиали на дне его горсть раздавленных вермишелей, быстро съели и запили речной водой. Подкрепившись, мы отправились в путь.

Вела я его в сторону своего дома, куда мечтала вернуться. Он находился по ту сторону Волхова. Шли мы вдоль реки, держась за руки, и с большой осторожностью оглядывались по сторонам. Шли молча. У меня не было особого желания разговаривать. Иногда, почувствовав усталость моего маленького спутника, я останавливалась и спрашивала:

– Я не быстро иду, поспеваешь за мной? Мы скоро уже дойдем!

Юра коротко вздыхал, но продолжал без нытья топтать рядом со мной. Я его хвалила, старалась приободрить. Первые дни Юра постоянно спрашивал, когда мы пойдем домой к родителям. Прошел день, потом другой, и он перестал спрашивать. Малыш про себя, наверное, решил, что ходить и ночевать в развалинах нам так полагается.

Попадавшие нам навстречу редкие прохожие не обращали на нас никакого внимания. Улицы на окраине Новгорода были похожи на деревенские. Я ещё тогда хорошо не знала их расположение. Мы, постоянно поглядывая по сторонам, шли по

пустынной окраинной улочке. Дома на ней стояли старые деревянные, с перекосившимися окнами. Вскоре дорога уперлась в небольшую площадку перед мостом. Перебраться на другой берег ни в этот, ни в другие дни мы не смогли. На месте моста, через который в мирное время я переходила с родителями, из воды торчали большие сваи. Рядом с бывшим мостом немцы соорудили понтонную переправу, которая тщательно охранялась. Она соединяла две части Новгорода. Мы подошли к этому сооружению ближе. По нему беспрерывно двигались на восток грохочущие танки, гудели легковые и грузовые машины с солдатами и военной техникой. Близко подойти к переправе мы не решились. Стояли и смотрели, не в силах сдвинуться с места, на противоположный берег. Он весь был в дымящих руинах и развалинах. На месте домов стояли обуглившиеся и полуразрушенные трубы печей. Мне стало очень горько, что не стало нашего родного дома, и, поняв безнадежность нашего намерения, мы повернули назад.

Две бесконечные ночи мы провели в разрушенных домах, стараясь не попадаться на глаза взрослым. В одном из чердачных помещений случайно нашли припрятанный кем-то из бывших жильцов дома кусок жмыха. Он стал настоящим лакомством и спасением для нас.

Но вскоре нам пришлось уйти с насиженного места. На улицах города появились военнопленные под охраной гитлеровцев со сторожевыми собаками.

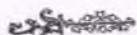

Рисунок Кыштобаевой Айбике, 5кл, школа-гимназия №11.

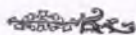
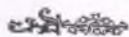
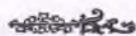
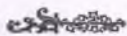

Рисунок Канат кызы Айжан, 8кл,сш. №6.

Пленные, в руках которых были кирки, лопаты и носилки, с раннего утра и до поздней ночи разбирали разрушенные здания, нагружая очищенными досками, балками и кирпичом большие грузовики. Стройматериал, как я позже узнала, вывозился в Германию. Фашисты специально подрывали для этого здания. Страшные взрывы в городе гремели один за другим. На воздух взлетали дома и целые кварталы. Облака дыма закрывали ужасные развалины. На наших глазах гитлеровцы разрушали улицы и буквально стирали с лица земли Новгород. Куда ни посмотришь, везде были глубокие воронки и развалины домов. Мы постарались как можно быстрее покинуть ставший опасным город. Мы долго шли по глухим закоулкам, петляли, обходили людные исхоженные места, а когда уставали, то отдыхали, спрятавшись за обгорелыми печными трубами, на пепелищах домов.

И вот, наконец, усталые и измученные, выбрались на окраину Новгорода. Было безлюдно. Повсюду были развалины и очень редкие уцелевшие дома. Сильно пахло гарью и порохом. По дороге нам попадались большие воронки, подбитые танки, опрокинутые сгоревшие машины и орудия, которые мы осторожно обходили. За городом находились огромные поля. Земля была израненная взрывами, изрытая вдоль и поперек гусеницами танков и колесами машин. Нам было очень трудно, тоскливо и страшно. Мы не знали куда ведут дороги, шли куда глаза глядят, твердо уверенные, что нас скоро найдут родители.

На перепаханых войной полях мы подбирали оброненные смятые листья капусты, обрезки макушек залежалой репы, смятые пшеничные колосья. Ели все, что было для нас кормом. От голодной смерти спасались, как могли. Над нами часто пролетали фашистские самолеты, наполняя небо непрерывным и отвратительным гулом. Но мы их уже не боялись, они нас не бомбили. Направлялись вражеские самолеты строй за строем туда, где слышалась далёкая канонада удаляющегося фронта.

Рисунок Рузиевой Карины, 1кл, школа-гимназия №11.

Рисунок Ачикеевой Нурии, бкл, школа-гимназия №11.

Рисунок Элдияровой Айжан, бкл, школа-гимназия №11.

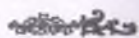
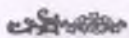

Рисунок Нурбек кызы Аяны, бкл, школа - гимназия №11.

Последние силы

Осень

Тётя Дуся

Обнова

Облава

В конце августа стояла сильная жара, над головой светило щедрое солнце, не скупившееся на тепло. Дни и ночи мы проводили в лесу, опасаясь встреч с немцами и полицаями. С одеждой у нас было очень плохо, она быстро пришла в негодность. Нас выгнали из больницы в одних пижамах и домашних тапочках, которые ну никак не годились для бродячей жизни. Мы были грязные и полураздетые. Сначала ходить босиком было непривычно, но потом привыкли. Землю чувствовали на ощупь, каждый камешек, каждую ветку и выемку. Мы были сильно истощены и теряли последние силы. Шли, с трудом передвигая ноги. Когда уставали, то делали долгие привалы. Во время отдыха мы лежали и смотрели, как раскачиваются макушки деревьев на ветру, как высоко парят в воздухе птицы, как в синеве плывут пушистые облака. А сколько ни смотришь на небо — никогда не надоест. Оно всегда было разное и менялось постоянно.

Жизнь была однообразная. Скитаясь по лесу, по заброшенным полям мы ели все, что было съедобно: дикий шавель, лебеду, желуди. Собирали ягоду: землянику, малину и чернику. Проходили дни, один за другим, шли они медленно и долго, казалось, что

бесконечное время навсегда остановилось. А мы так вдвоём бродили и бродили по лесным чащам и проселочным дорогам, прозрачно бледные и усталые. Заходили в деревни и просили на пропитание, чтобы не умереть от голода. Находились сердобольные люди, которые давали где кусочек хлеба, где картофелину, а иногда и молоко. Бывало и так, что нас гнали, давая подзатыльники. А вслед еще кричали:

- Ничего у нас нет! Самим жрать нечего! Ступайте прочь! Ходят тут всякие!

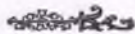
Всё было. Пожить или хотя бы переночевать нам никто не предлагал. Видно всем хватало своих хлопот и забот. Своего горя. Еды было мало. И каждый лишний рот был обузой. Ночевать нам приходилось под деревьями или в придорожных канавах. Чаще там, где нас заставляла очередная ночь. Беспокойные мысли появлялись у меня, когда заканчивался длинный, летний день. Спать в лесу было тревожно. Ночью он становился утрюмым и неприветливым. Мы, затаив дыхание, начинали настороженно прислушиваться к ночным звукам. Деревья превращались в беспокойные чудовища. Мне казалось, что с ветвей, которые трепал ветер, свешиваются ведьмы. Ко мне во сне приходили бабушкины истории и волшебные сказки. Снился мне то мальчик-с-пальчик, то сестрица Алёнушка, потерявшая козленка, то серый волк. Мне хотелось громко во весь голос закричать и позвать бабушку. Иногда ночи были кодовские, поднимался чудодейственной силы ветер, и, казалось, что по лесу начинали ходить неизвестные существа. Мы тогда

старались лучше укрыться от такой ужасной ночи и порывистого ветра. Когда он, как по волшебству затихал, то все чудовища и деревья тоже замирали.

Лишь тогда я поняла, что такое бессонница. Это когда не приходит сон, и на тебя разом наваливаются горькие воспоминания. Лежишь в темноте на земле, а над тобой шевелятся высокие деревья, словно великаны. Запрокинешь голову и, не смыкая глаз, смотришь, не отрываясь, на звездное небо, и бессонница тебя оглушает. И такая тоска в душе. Ты много о себе думаешь, вспоминаешь самые тяжелые моменты своей жизни, своих родных, подружек, игры во дворе и тихо плачешь, и окружающие деревья становятся расплывчатыми от горестных слёз. Я думала, найдут ли меня когда-нибудь мои родители. Когда я прикрывала на минуту глаза, то в голове у меня все оживало, и мне казалось, что я иду по нарядной родной улице к своему дому, а возле ворот меня ждут бабушка, папа, мама, сестра, братья. Как мне их не хватало... Война оказывается страшна не только потерями, но и разлуками. Довоенная жизнь теперь и вправду казалась мне очень далекой. Сон убегал от меня, но я не открывала свои глаза. И так было, пока не наступало утро.

С Юрой я очень сдружилась и привыкла к нему. Он был послушный и добродушный ребенок. У него были ясные и пытливые глаза. Понимала, что для взрослых я еще мала, но рядом с ним чувствовала себя большой и взрослой. Мальш еще совсем мало жил и многого не знал. Не мог заботиться о себе и постоять за себя. Он ни на шаг не отходил от меня, боясь потеряться. Постоянно спрашивал о чем-

нибудь меня. Я охотно рассказывала, объясняла и давала ему подробные ответы, разучивала с ним новые слова. Юра очень любил, когда я с ним разговаривала.

Окончилось жаркое лето. Исчезли солнечные дни, и наступила осень. Но не золотая. В середине сентября резко похолодало. Деревья начали сбрасывать свои наряды. Многие из них уже стали голыми. Набрякшие свинцовые тучи целыми днями висели над землей, а по ночам дул холодный ветер, пробиравший до костей. С неба начал постоянно сыпать и сыпать бесконечный студеный дождь. Если он начинался, то шел непрерывно целыми неделями. Мелкий, колючий дождь пробирал нас до озноба. Да и земля начала холодить наши босые ноги. Они у нас стыли и стыли, как будто становились сосульками. Листья больше не шуршали у нас под ногами, они были мокрые и почерневшие от постоянно морозящих дождей. Мы вымокали до нитки. Днем земля была раскисшей, вся пропитанная водой, а по ночам она становилась твердой. Деревья в лесу были влажные от дождя, с запахом грязи и гниющей коры. Даже им было холодно. Стала подкрадываться зима. Это тревожило меня, казалось, что мы обязательно не сегодня, так завтра замерзнем. Ночевали мы в заброшенном шалаше, скрючившись и прижавшись друг к другу. Я шептала маленькому Юрочке слова утешения. Укрывались старыми мешками, которые я носила с собой в болтающейся торбе за спиной. Но они не согревали, как бы мы ни старались в них лучше укутаться. Глаза мои слипались от усталости, я ворочалась с боку на бок, но уснуть из-за

пронизывающего холода никак не удавалось. По утрам дыхание наше клубилось у нас изо рта паром. Одежда наша высыхала прямо на наших телах, когда выглядывало долгожданное доброе солнышко. Она уже давно превратилась в отрепья, потому что носилась без перемены уже третий месяц.

В одной деревушке сердобольная женщина, увидев меня и Юру, продропших и голодных, разжалобившись, приютила нас. Она, заметив нашу рваную одежду и босые ноги, сказала:

- А ну, пойдете! Останетесь сегодня ночевать у меня! Скоро совсем стемнеет!

Звали её тетя Дуся. Она позвала к себе в гости в ветхий домишко. В нем было тепло и уютно, половицы под ногами скрипели, как в моем родном доме. Онемевшие и застылые, мы были рады и счастливы. Она нас накормила. Мы старались есть медленно, не торопясь, без голодной жадности. Глядя на нас, истощенных и грязных, добрая хозяйка часто, закрыв лицо платком, плакала и вспоминала своих потерянных детей. Смотрела и приговаривала:

- Небось, мои малые тоже, как вы, бродят где-то по лесу! Околели уж поди от холода!

Помню, как тетя Дуся нас искупала. Хозяйка затопила печь и согрела полный чугунок воды:

- Приготовьтесь! Буду вас купать!

Мы были грязные, кожа на нас шелушилась. Умыта у нас была только самая середина лица, величиной с ладонь. Мне казалось, что кожа у нас на лицах стала твердая, как панцирь черепахи. Когда мы мылись, блаженное тепло охватило наши тела. Вода грязными потоками стекала с нас. Тетя Дуся с

трудом подстригла ножницами наши волосы и ногти. Мы поразили её своей худобой. Она мыла и приговаривала:

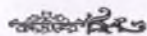
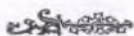
- Уж больно тощие и малые вы, руки и ноги тонюсенькие!

Тетя Дуся приготовила нам постели. Лежать в них было наслаждением. Как сладко было засыпать сытыми, да еще в доме! Сон тотчас одолевал нас. Спали мы после помывки, как убитые, вытянувшись в теплой постели. Укрыла нас тетя Дуся до подбородков теплыми одеялами, подоткнув их со всех сторон. Ощущение легкости и чистоты было приятно. Отошли мы душой, успокоились. В первый раз за много ночей нам довелось спать в тепле. А утром проснулись - разомлевшие и отдохнувшие. И усталость ушла от нас куда-то. Гостеприимная хозяйка подошла к нам и ласково спросила:

- Отогрелись?

В этот день нас ждал приятный сюрприз. Тетя Дуся приготовила нам чистые рубашки, штаны, которые немного ушила. А обувь, хотя и была изрядно изношена и немного не по ноге, привела нас в неописуемую радость. Мы ахнули и онемели от счастья, щупали обновы руками и не верили своим глазам. Подарок был что надо! Она не только придела, но и заботилась о нас. Тетя Дуся вдохнула в нас тепло и силы. Я жалобным и просящим голосом попросила:

- Вы нас не выгоняйте, мы с Юрой будем делать по дому все, что скажете! Мы будем очень послушными, будем подметать двор, мыть полы, работать в огороде!

Меня охватило сильное волнение, когда я произносила эти слова. У меня в душе жила надежда, что вдруг тетя Дуся оставит нас у себя. В доме вкусно пахло свежее испеченным хлебом. На столе постоянно стоял урчащий самовар и вареная картошка. Я радовалась, что теперь мы не замерзнем и не пропадем с голода. Еда и тепло делали свое дело, мы оживали на глазах. У нас стало хорошим настроение. Мы были очень благодарны нашей спасительнице.

В деревне, которая находилась далеко от Новгорода, немцев не было. Они редко приезжали сюда. Но мы все равно боялись выходить на улицу. Долго вглядывались в окно, прежде чем выйти из дома. Вскоре тетя Дуся отправилась в Новгород, чтобы попытаться в который раз найти своих родных детей. Из города она так и не вернулась. Прошло три дня. В доме без неё стало пусто и тревожно. По вечерам, ожидая тетю Дусю, мы сидели и обливались слезами.

В деревню, где, казалось, мы нашли себе спокойствие и приют, неожиданно нагрянули гитлеровцы. В один из дней ранним утром мимо дома по проселочной улице быстро проехали несколько военных машин и мотоциклов. Мы стояли в это время за забором. Не раздумывая, быстро забежали в дом и закрылись. В окно было видно, что у них в руках были автоматы. Мы очень напугались. На улицах не было ни души. Жители попрятались по своим домам. Фашисты с палками в руках начали гоняться за курами, гусями и утками. Они очень ловко били палками домашнюю птицу. Видно у них был большой опыт в этом деле. На стенах домов и

заборах появились приказы о сдаче оружия, продуктов, о запрещении хождения деревенскими жителями с шестнадцати часов вечера до восьми утра. Там было сказано и о многом другом. Гитлеровцы жестоко карали за нарушения. Под каждым пунктом стояло:

- За невыполнение – расстрел.

По избам деревни для регистрации населения пошли полицейские. Если обнаруживались чужие, то их немедленно арестовывали. Пособники фашистов забирали у своих односельчан документы, удостоверяющие личность, а взамен выдавали нагрудные номера, которые необходимо было нашить на повседневную одежду. Без разрешения коменданта и старосты пределы деревни запрещалось покидать. И вот настал день, когда полицейский патруль приблизился к избе тети Дуси. Мы опасались, что полицейские ввалятся в избу, и нас арестуют. Решено было уходить. Мы быстро перелезли через забор и сначала огородами, а затем полем незаметно углубились и скрылись в лесу. В нем мы чувствовали себя в относительной безопасности.

Но вскоре вновь из-за голода нам пришлось зайти в одно из сел. Маковой росинки во рту не было уже несколько дней. Мы продрогли от измучившего холода. Приблизившись к домам, мы подумали, что в нем нет немцев. Но вдруг из-за крайней избы неожиданно навстречу вышел немецкий патруль. Когда мы увидели солдат, то остановились, как вкопанные. Мы очень испугались резкого немецкого окрика и наставленного на нас автомата. У меня сильно заколотилось сердце. Мы боялись шевельнуться. Гитлеровцы подозвали нас. И чем

Рисунок Рузиевой Карины, 1кл, школа-гимназия №11.

ближе мы приближались к солдатам, тем сильнее Юра сжимал мою руку. Подойдя к ним, мы, расплакались. И никак не могли успокоиться. Крупные слёзы катились из наших глаз. Исподобья с ужасом смотрели на фашистов. Вдобавок к этому один из гитлеровцев сделал свирепый вид, навел на нас дуло автомата и давай кричать:

- Пух-пух- пух! - как будто он начал стрелять в нас. За свою жизнь я ни разу не пугалась так сильно, как сейчас. Рыдая и захлебываясь от слез, мы стали утирать рукавами и тонкими, истаявшими ладонями глаза. Мы совсем обессилели и были в панике. На нас напал страх, что сейчас расстреляют на месте. Мы замерли в ожидании, что через мгновение раздадутся выстрелы. Но

ничего такого не произошло. Нас не стали убивать, как мы думали, а отвели в находящийся поблизости от избы большой старый амбар. Он был приспособлен под временный сборный пункт, нас в нем и закрыли. В амбаре находилось около сорока задержанных. Охраняли нас полицейские. Они были из местных жителей и носили повязки на рукавах с изображением фашистской свастики. Кормили и поили арестованных всего один раз в день. Из разговоров взрослых я поняла, что карательные отряды фашистов прочёсывали на этой неделе партизанскую зону в лесу. Немцы разыскивали партизан и собирали в деревнях продовольствие. Всех подозрительных во время облавы задерживали и отправляли в пересыльные лагеря.

Я долго не могла уснуть от пережитого волнения и только перед рассветом задремала. Было ещё раннее утро, когда я неожиданно проснулась. До меня донеслись резкие, отчетливые голоса полицейских во дворе:

- Разжигайте быстрее костер! Скоро в путь! Надо дать этим свиньям пожрать перед дорогой в лагерь!

Вскоре загремел засов, полицейский открыл двери и, войдя в амбар, вывалил из большого чугуна картошку вместе с кипятком прямо на пол. Охранник заорал нам, чтобы через час все были готовы к отправке. Мы, обжигаясь, набросились на неё. Ели давясь и глотая. Затем нас построили, пересчитали, и мы безропотно отправились в концлагерь.

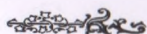
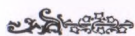

Рисунок Курбановой Диоры, бкл, школа-гимназия №11.

Рисунок Омуралиевой Айпери, 5кл, школа-гимназия.

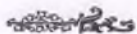
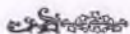
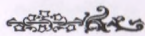
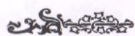

Рисунок Рузиевой Саёры, 8кл, сш. №6.

Колмово

Дезинфекция

Собаки

Письма

Тревожные сны

Так мы попали в концлагерь местечка Колмово в окрестностях Новгорода, где содержались в нечеловеческих условиях советские военнопленные, мирные граждане и дети. Едва мы переступили порог нашего барака, нас обдало тяжелым, душным запахом. Так пахнет в старых, гнилых от сырости избах. В этом концлагере мы пробыли больше года, его я запомнила на всю жизнь. Помню, как нас, находящихся две недели на карантине, привели на санобработку, раздели и намазали тела какой-то едкой жидкостью, от которой все жгло и горело. Я чувствовала, что стору заживо. Красные круги плавали у меня перед глазами. Такая была нестерпимая боль! С тех пор я начала панически бояться такой профилактики.

Рисунок Темнохудовой Кристины, 9кл.

Еще я очень боялась больших собак. Этот страх остался у меня на всю жизнь. Когда старших детей угоняли на работы, нас, малолетних узников, заставляли таскать камни и мостить ими новую дорогу в концлагерь, других выводили на плац – подметать. Если я попадала в смену, где надо подметать, то вся сжималась от страха в ожидании издевательств. Мы еще не заканчивали уборку, как немцы начинали выгуливать своих сторожевых овчарок, у которых всегда была открытая пасть, были острые клыки и яростная злоба. Гитлеровцы спускали на нас свору своих огромных псов со вздыбленной шерстью. По команде они с таким рвением набрасывались на испуганных детей, что, казалось, могли заживо съесть любого из нас. Кто-то пронзительно кричал,

кто-то застывал на месте, помертвев от ужаса. Фашисты, насладившись детским страхом, отрывистыми командами подзывали к себе своих овчарок, и веселый хохот громко разносился по всему лагерю. Мы, взмокшие от страха, разбегались по своим баракам. Вот такое было у них, взрослых конвоиров, развлечение. У меня потом всегда кровь стыла в жилах, стоило мне вспомнить это гоготание над нами. Этот немой ужас не проходил, а жил в моей душе постоянно. Иногда малолетним узникам приносили письма. Чтобы как-то подбодрить несчастных детей, взрослые узники сами писали нам письма: «Здравствуй, дочка! Я знаю, тебе тяжело, но ты терпи. Скоро придёт Красная Армия, и тебя освободят.

Рисунок Марущенко Анастасии, школа-гимназия №11.

Мы встретимся. Я тебя найду. Твоя мама!» Дети радовались, когда читали эти строки.

Осенью 1943 года маленьких узников отправили в концлагерь в Латвию. Там нас, ребяташек разных возрастов, должны были готовить к отправке в Германию. Вместе с нами в вагонах товарного поезда находились старики и женщины с маленькими детишками. В вагон загоняли столько людей, что нельзя было никому прилечь. Просто удивительно, как много стариков и детей помещались в такие узкие вагоны. Нас заперли, открывали двери только на больших станциях.

Когда раздался свисток, то в ответ надрывно загудел паровоз. По всему составу под полом прокатился удар, вагоны вздрогнули и тронулись. Везли нас, как скотину. Мы не знали, куда именно везут, зачем. Говорили и думали разное. Мне в первый раз в своей жизни довелось ехать в поезде. Сидели все неподвижно на трухлявой соломе. Я, обняв себя руками за колени, от безысходности плакала и думала:

- Почему этой проклятой войне нет конца? Долго ли нам придется жить в концлагере?

Юра был рядом. Мы всю дорогу молчали. Ноги сильно затекали. Было очень тесно. От духоты многие теряли сознание. Поезд, покачиваясь, медленно полз по рельсам. Колёса монотонно стучали под полом:

- Ты помнишь, ты помнишь, ты помнишь...

Смертельно хотелось спать, у меня начали смыкаться глаза. Дорога для меня была мучительной. Я постоянно думала о своих

родителях и неотрывно смотрела на створы дверей. Мне казалось, что сейчас они раздвинутся, и я увижу своего отца. Я ждала его с таким нетерпением, какого у меня никогда в моей жизни не было. Знала, что папа придет за мной. Думала, что он вот-вот окликнет меня и быстро заберёт отсюда. Эта мысль жила во мне и не давала покоя. Я с тоской смотрела на двери. Во сне я слышала постоянно, как отец звал меня. Часто, задремав, я ясно видела и говорила с ним:

-Вера,- мягко, словно по голове гладил, звал меня с виноватой улыбкой отец.

- Быстрее собирайся! Еле-еле тебя нашел. Ты почему так долго пропадала? Тебя давно ждут, тебе пора в школу!

Папа поднимал меня на руки, а я прижималась и обнимала его крепко за шею. Мы замирали и ничего не говорили. Я вглядывалась с любовью в своего отца, слушала, как он меня успокаивает, любовалась им, не отрывая глаз. Нам хорошо было вдвоем. Я сказала папе:

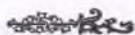
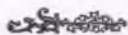
- А давай отведем домой Юру! Он ведь такой маленький!

- Обязательно отведем! - отвечал папа.

Когда мы возвращались домой, то мама, бабушка, братья и сестра, плача, тискали меня. Я с недоумением у них спрашивала:

-Что же вы плачете? Что случилось?

- Мы боялись, что ты совсем пропала! - отвечала мама. Я с удивлением говорила:

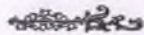
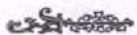

- Ну, как же я пропаду. Я уже большая! Я ждала папу, где же он так долго был! Я ждала, ждала, а он не приходил!

Сон совсем сбивал меня с толку. Папа только хотел меня поцеловать, как я тут же просыпалась от того, что сильно ёкало сердце. Меня бросало в нестерпимый жар. Я быстро приходила в себя, горестно сжималась и крепко стискивала зубы, чтобы не разрыдаться. Но плакать я уже совсем не могла, слез не осталось.

Наш товарный вагон был без окон и туалета, предназначался он для перевозки скота. Находиться в нем было тяжело, он напоминал мне большой муравейник. Стоял тяжкий удушливый запах. Ехали мы в полной темноте, теряя счет времени. В полу имелось отверстие, служившее нам уборной. Пробираться к нему приходилось ползком, через скопление тел скрючившихся узников. Всем хотелось кушать и вдохнуть хотя бы глоток свежего воздуха. В поезде находились только немощные старики и старухи, женщины и дети. По всему составу прошел слух, что нас всех везут на мыло, что нас всех скоро отправят на тот свет — умирать. Мы были в жуткой панике. Ребятишки от такой новости по-стариковски съезжались, а старики выглядели беспомощными детьми. Было страшно. В вагонах застыла надолго напряженная тишина.

Двигался поезд очень медленно. Он подолгу стоял в тупиках, пропуская воинские эшелоны гитлеровцев. Повезли заключенных через Белоруссию. Когда поезд останавливался,

слышались шаги охраны, раздавались невнятные немецкие команды. На больших станциях нам каждому давали кружку кипятка. Из вагонов в это время выносили умерших. Я старалась запоминать названия городов, вслушиваясь в объявления дежурных по станции, которые мы проезжали. Звучали названия белорусских городов: Лида, Гродно, Новоельня... А про себя я думала:

- Хоть бы наш вагон разъединился, оторвался от других! И мы тогда спаслись бы!

Мы очень боялись, чтобы партизаны не пустили по ошибке наш несчастный эшелон под откос.

Рисунок Белековой Али, 7кл, школа-гимназия №11.

Рисунок Марущенко Анастасии, школа-гимназия №11.

Дорога в концлагерь
Горы хлеба
Освобождение
Родители Юры
Наказ учительницы

На одном из разъездов наш эшелон надолго остановился: оказывается, партизаны взорвали железнодорожные пути, чтобы нас не увезли в Польшу или Германию. Было это в Западной Белоруссии. Гитлеровцы всех выгрузили из эшелона и провели сортировку, отделив детей от взрослых и стариков. Взрослых повезли дальше. Больных и обессиленных стариков, скорее всего, отправили на смерть, а нам подарили право еще немного пожить. Когда мы, наконец, вышли из вагона, то долго не могли привыкнуть к дневному свету. На станции мы увидели жуткую сцену, когда от матерей отрывали маленьких детей. Женщины становились на колени, истомно кричали, падали в обморок, но никто не обращал на это внимание. Чтобы не видеть этого ужасного зрелища, я закрывала глаза, плакала и шла, потрясенная случившимся. Руку Юры я не выпускала ни на минуту.

Из малолетних узников сформировали большую колонну. Но какая уж там была колонна, когда у всех заплетались ноги, онемевшие в эшелоне без движения. Нас безжалостно погнала в неизвестном направлении. Мы с Юрой брели, едва переставляя ноги, которые казались чугунными. Дорога была бесконечной. Шли мы, нетвердо ступая, поддерживали друг друга, шатаясь от голода и холода. Ослабевших после долгого пути ребят солдаты-конвоиры подгоняли ударами прикладов по спинам. Помогали гитлеровцам полицаи. В дороге отстающих пристреливали, избавляясь от заболевших и ослабевших детей. В конце длительного пешего этапа мы увидели большое проволочное заграждение, на сторожевых вышках по углам стояли часовые с автоматами. Это был тот самый зловещий концлагерь Кореличи Гродненской области, в котором нам предстояло жить под страхом смерти.

Поселили нас в холодных бараках. Спать ложились мы на голые доски деревянных двухъярусных нар. Нас одели в черные робы с белыми полосами, сшитые наподобие мешков, выдали полосатые матерчатые шапочки на головы. На ноги велели обуть тяжеленные башмаки с деревянной подошвой. Кормили исхудавших мальчишек и девчонок два раза в день баландой из полусгнивших овощей. Давали каждому малолетнему узнику лишь небольшой черпак водянистого крошева из брюквы, гнилой картошки и капусты. Помню, когда мы только прибыли в концлагерь, то чашек на всех не

хватало, наливали тогда эту мутную болтушку тем, кому не достались миски, в пустые консервные банки, подобранные на свалке.

Просыпалась я утром от того, что чувствовала, как немеет моё тело от холода и страха. Я дрожала даже во сне, у меня зуб на зуб не попадал. Начинался долгий день, а я не знала – доживу ли до вечера, что будет со мной завтра, через час, через минуту. Время проходило в тяжелом предчувствии неизбежной смерти. Никто из детей не знал, где и когда его убьют. Наша судьба могла решиться в любой момент. И так изо дня в день. Это был не только страх смерти, но и чувство бессилия перед рабством. Все это делало мою жизнь невыносимой. Вот так и жила я эти три бесконечных года!

Концлагерь был рассчитан на истребление малолетних узников голодной смертью. Наша жизнь ничего не стоила. Мы находились во власти конвоиров, часовых на вышках, старосты, администрации и коменданта лагеря. Это были жестокие и безжалостные фашистские изверги, которые могли избить или просто убить любого из нас.

Раз в неделю гитлеровцы подвозили к колючей проволоке хлеб и кусками бросали его в толпу изможденных детей из "ада смерти". Этот хлеб состоял более чем наполовину из древесных опилок и костной муки.

Каждый день: утром при подъёме и ночью перед отбоем — нам приказывали петь фашистский гимн.

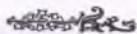
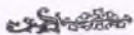

Рисунок Шестаковой Лизы, бкл, школа-гимназия №11.

Кто отказывался, того ставили коленями на соль, избивали розгами, лишали скудной пищи. Никто из нас не плакал. Все слезы были уже выплаканы. У подростков регулярно брали кровь для раненных немецких солдат Восточного фронта. От этих уколов у меня сохло во рту. После этих процедур многие дети не могли подняться. Мы очень боялись надзирателей с плетками, но не меньше боялись людей в белых халатах. Этот страх остался у нас на всю жизнь.

В концлагере у детей не было имен и фамилий, различали нас только по номерам. Не выдержав невыносимой жизни, многие дети умирали. Специальная команда по утрам обходила бараки и снимала с нар мертвых и полуживых детей. Они складывали трупы и больных в грузовую машину, а затем вывозили из лагеря. Сколько детей погибло у нас в бараке, не могу точно сказать. Знаю, что много.

Мы не знали ни дня, ни месяца. Острое чувство голода сопровождало нас постоянно. Несмотря на ужасные условия, дети в концлагере жили между собой дружно. Не было ни драк, ни ссор. Было не до этого. Старшие опекали младших. Может поэтому я выжила в этом аду. Пережитые страдания не озлобили нас, не лишили веры в справедливость. Осознавали и понимали мы, какое наступило тяжелое время! Нам ничего не оставалось, как терпеливо ждать, когда придет Советская Армия.

По вечерам в бараках мы садились в круг и плакали, рассказывая друг другу о прежней мирной жизни.

Рисунок Асанбаевой Жамили, ДОЦ г. Каракол.

Мы пели вполголоса грустные, протяжные песни.

На всю жизнь мне запомнилось, как гитлеровцы регулярно устраивали издевательства над нами, согнав нас на плац. Там устанавливали столы с горами хлеба, а затем голодных детишек заставляли ходить вокруг. Мы не могли отвести глаз от хлеба, который притягивал к себе. Тех, кто, не выдержав невыносимой пытки, протягивал руку за куском хлеба, били по рукам и лицу розгами.

Детей постарше, самых смелых и отважных, пытавшихся убежать из концлагеря, ловили и перед строем избивали до полусмерти, а чаще расстреливали, объявляя, что это будущие партизаны. Помню, как фашистский офицер кричал:

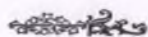
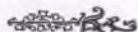
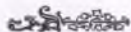

Рисунок Бродниковой Марины, 11кл, школа-гимназия №2.

- Кто попытается бежать, будут расстреляны!
Всех ждет такая же участь!

Избавление от мук, унижений, страха, голода и холода нам, малолетним заключенным, принесла Советская Армия, освободившая Белоруссию. День освобождения от фашистской неволи стал самым волнующим и счастливым в жизни праздником. А вернее сказать - долгожданным чудом. Для меня жизнь с того дня стала счастьем. Возвращалось прерванное детство. Мне долго не верилось, что мы свободны. Всех малышей сразу же определили в детский дом, организованный здесь же в местечке Кореличи. Воспитатели выхаживали нас, как собственных детей. Помню, что первое время мы много и жадно ели, хотя кормили нас очень хорошо. Сначала мы съедали весь хлеб, боясь уронить хоть маленькую крошку, а затем принимались за все остальное.

У детей не было никаких документов. Всем, кто забыл свой день рождения, в метриках записали - 9 мая. Я была худенькая, маленькая ростом и знала свой год рождения, но комиссия решила, что родилась я в 1936 году. Когда я говорила, что на два года старше, надо мной взрослые начинали смеяться и не хотели даже слушать.

Я испытала огромную радость, когда буквально через месяц после освобождения в детдом за моим Юрой Тимофеевым приехали родители. Они были безмерно счастливы, что так быстро нашелся их сын, которого они потеряли три года назад.

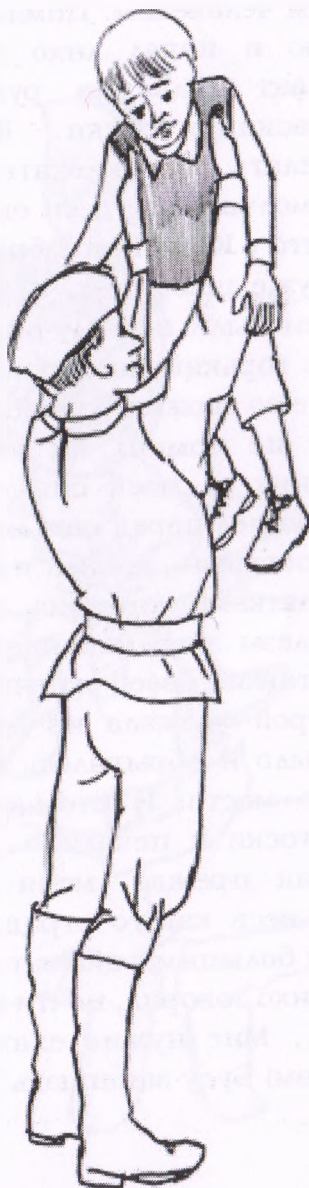
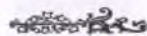

Рисунок Рузиевой Саёры, 8кл, сш. №6

Они обнимали и целовали его. Отец Юры был очень веселым человеком. Помню, как он посадил Юру на шею и начал лихо отбивать чечетку, щелкая в такт пальцами рук. Отец красиво двигался, раскинув руки. Юре ничего не оставалось делать, как держаться за его волосы. Он оробел и молчал. Все дети смеялись и немного завидовали, что у Юры такой бравый отец.

Ему было уже шесть лет, а мне - десять. Три года мы с ним были неразлучны. Вот и наступил тогда для нас горький час прощания! Ночевать в одной комнате со своими родителями Юра наотрез отказался, он не помнил ни отца, ни мать. Он прятался от них за моей спиной и не отпускал моей руки. Пришел перед самым отъездом ко мне и просил его оставить, плакал и не хотел уезжать. Слезинки бусинками катились по его щекам. У меня самой слезы застилали глаза. Он, наверное, уже не представлял своей жизни без меня. Когда машина с Юрой уезжала из детдома, я вышла провожать, ныло и обрывалось мое сердце. Я не находила себе места. И столько было в нашем расставании тоски и печали... Он подошёл ко мне, взял, как прежде, меня за руки, и, не выпуская их, весь как-то страдальчески сжался. Глядя на меня большими внимательными глазами, он с грустью тихо говорил, почти шептал:

- Верочка... Мне нужно ехать... Я буду, как папа... летчиком! Буду защищать Родину и тебя!

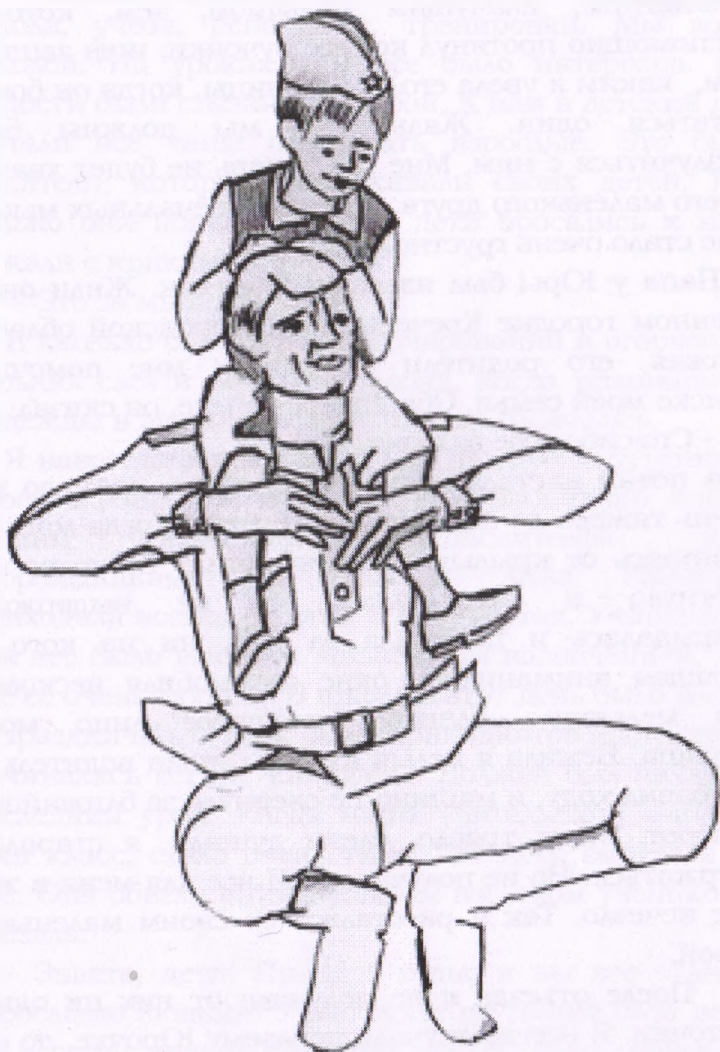
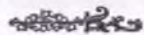
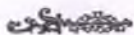

Рисунок Рузиевой Саёры, 8кл, сш. №6

Я не сводила с него своего взгляда и думала:

- Сейчас Юра исчезнет. Исчезнет навсегда! Но в моей памяти он останется совсем другим - тем трехлетним, плачущим малышом, тем, который беспомощно протянул ко мне ручонки, ища защиты; тем, каким я увела его из больницы, когда он боялся остаться один. Жаль, что мы должны были разлучиться с ним. Мне так теперь не будет хватать моего маленького друга. От таких печальных мыслей мне стало очень грустно.

Папа у Юры был известный летчик. Жили они в военном городке Кречевицы Новгородской области. Уезжая, его родители пообещали мне помочь в поиске моей семьи. Обращаясь ко мне, он сказал:

- Спасибо тебе за сына, Вера!

А потом настала минута прощания, которую мне очень тяжело до сих пор вспоминать. Когда машина тронулась от крыльца детского дома, что-то во мне дрогнуло и покачнулось. Я не выдержала, разрыдалась и побежала за ней, ни на кого не обращая внимания. В окне автомобиля несколько раз мелькнуло бледное, плачущее лицо моего малыша. Бежала я целый квартал, пока водитель не прибавил ходу, и машина не свернула за ближайший поворот. Меня трясло, слезы душили, я старалась сдержаться. Но не получалось. И все для меня в этот миг исчезло. Так я рассталась со своим маленьким Юрой.

После отъезда я не получила от них ни одной весточки. Я всегда скучала по моему Юрочке, до сих пор помню и думаю о нем. Все время вижу его перед собой. Вспоминает ли он меня хоть изредка. Было

это весной 1944 года. Я уже третий год не видела своих родителей. Не знала даже, живы они или нет.

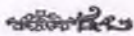
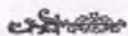
Но жизнь продолжалась и шла в своем чередом: школа, учеба, репетиции, тренировки. Мы жили школой. На уроках нам все было интересно. Все радости были связаны с учебой. К нам в детский дом начали все чаще приезжать взрослые. Это были родители, которые разыскивали своих детей. Как только они появлялись, все дети бросались к ним, бежали с криками:

- Это за мной, за мной!

И сколько было у нас разочарований и огорчений, горьких слез и печали в глазах, когда теплившиеся надежды в душах детдомовцев не сбывались.

Я навсегда запомнила самое важное напутствие в своей жизни, сказанное в дни окончания войны нашим классным руководителем нам, второклашкам. На занятия Анна Ивановна приходила всегда строгая и подтянутая. Учителство для неё было высшим жизненным назначением. Мы все её очень любили. В школе в этот день было весело и празднично. У всех было приподнятое настроение, начинались летние каникулы. Должен был начаться последний урок. Когда наша учительница зашла в наш класс, стало очень тихо. Все дети смотрели на неё. Она обвела внимательным взглядом учеников и сказала:

- Знаете, дети! Пройдут годы, и вы все станете взрослыми людьми! У вас будут не только свои дети, но и ваши внуки. Наступит время, когда умрут те, кто был взрослым, когда шла Великая Отечественная война. Останетесь только вы, дети прошедшей

войны, вынесшие много лишений и бед. Ваши дети и внуки не будут знать, что такое война. Если они начнут забывать горе, слёзы и радость нашей Победы в этой проклятой войне, то вы ни в коем случае не давайте им забыть её. И сами никогда не забывайте!

Рисунок Кудайбергена, бкл, сш. №6.

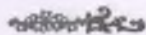
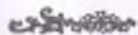

Рисунок Бейшенбековой Есфирь, 5кл, школа-гимназия №11.

Рисунок Марс уулу Жаныбека, 5кл, школа-гимназия №11.

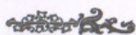
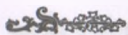

Рисунок Рузиевой Саёры,
8кл, сш. №6.

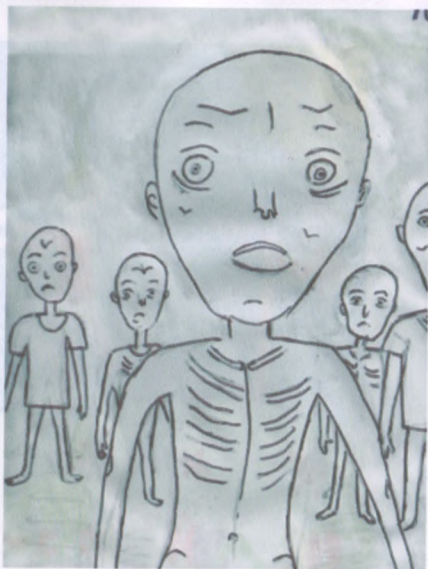

Рисунок Козловой Юлии, 10кл, сш.
№6.

Рисунок Нуржадаевой Адинай,
5кл, школа-гимназия №11.

Рисунок Кыштобаевой Айбике,
5кл, школа-гимназия №11.

Рисунок Таалайбековой Нурай, 5кл, школа-гимназия №11.

Учёба

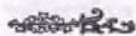
Поиски родных

Газета

Встреча

Родители

Сотрудники детского дома были очень добры и отзывчивы. Они постоянно занимались поисками родителей и родственников осиротевших воспитанников, писали письма в различные инстанции. На запросы о моей семье приходили

одинаковые ответы: "Ничего не можем сообщить" или "Не имеем данных о семье Веры Ивановой".

После окончания семилетки в 1950 году я по направлению поступила в медицинскую школу города Новогрудок, но проучилась там всего один месяц. Областной отдел образования перенаправил меня в город Ригу на учебу в художественно-полиграфическое училище. Учиться мне там очень нравилось: помимо основных занятий по специальности, с большим желанием занималась спортивной гимнастикой и народными танцами. Я была не особо велика росточком и всегда замыкала строй на тренировках и репетициях. Но из-за этого особо не расстраивалась. Знала, что скоро вырасту и стану большая. Очень любила выступать на городских соревнованиях и смотрах художественной самодеятельности.

Шли годы, я повзрослела и радовалась, что стала самостоятельной. В 1954 году меня после окончания училища по специальности «художественный переплёт» послали в Киргизию. Когда я по распределению приехала в город Фрунзе, то стала работать в первой республиканской типографии. А поиски родных мною продолжались. По совету одной из сотрудниц типографии я написала письмо в редакцию газеты "Новгородская правда". Журналистов оно тронуло, и они опубликовали его седьмого марта 1959 года под заголовком "Помогите найти родных".

Хотя вероятность удачи была очень мала, все с нетерпением и волнением ждали результата. И вот начали приходить первые весточки. Писали родственники, друзья семьи и совсем незнакомые

люди. Все они приняли горячее участие в поисках моей семьи. А в полученном ответе родной сестры моей мамы А. Померанцевой из города Крестцы было написано, что моих родителей следует искать в Эстонии. Редакция сделала туда запрос, и пришел ответ с обратным адресом. Во Фрунзе телеграфировали:

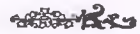
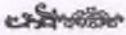
"Вера, ваши родители найдены. Живут в Эстонской ССР, под Таллином, станция Кеава, совхоз "Кехтна". Радуетесь вместе с вами".

Оказывается, моя семья была эвакуирована в республику Коми, а после войны переехала на постоянное место жительства в Прибалтику.

Через две недели я, после замужества ставшая Мусиенко, получила письмо от родной сестры Евгении с приглашением приехать в гости. Она писала, что папа с мамой уже состарились, да и вся семья приехать не сможет. Чтобы узнать друг друга при встрече, мы договорились, во что оденемся, что у отца в руках будет газета. И вот после восемнадцатилетней разлуки я поехала к своим родным. Я так торопилась, что в спешке забыла дома конверт с родительским адресом. Волнение у меня было очень сильным. И только в Таллине вспомнила название станции, где жили родители. На железнодорожной станции, когда поезд остановился, и дверь тамбура открылась, я увидела своего отца. После секундного замешательства я бросилась к нему в объятия. Он прошептал:

- Доченька моя! - Мы оба разрыдались.

Рядом стояла молодая женщина, которая сказала:

- Хватит, папа, дай, и я с ней встречусь!

Мне стало понятно, что это моя старшая родная сестра Евгения. Обнявшись с ней, мы продолжали плакать. Подъехав к дому и услышав рыдания моей мамы, я упала в её объятия. Мы проплакали от счастья всю ночь. О многом было рассказано тогда друг другу. Не было слов, чтобы описать радость нашей долгожданной встречи. Сколько мук испытали родители, разыскивая меня...

Мне рассказали, почему не смогли вовремя забрать меня из больницы. Отец задержался. В нашей семье тогда случилось горе: умерли грудной братик Вовочка, а затем сразу же - бабушка Мария. И только лишь после похорон папа смог отправиться, чтобы забрать меня. Он метался по берегу Волхова, надеясь добраться до больницы. Но мосты были взорваны, и в Новгород врывались фашистские войска. Отец не смог забрать меня. В городе шли ожесточенные бои, и я потерялась, как оказалось, на восемнадцать лет. Отцу вручили в городском эвакуационном пункте посадочные талоны на поезд, мои родители с детьми срочно эвакуировались в республику Коми. Там они прожили и проработали до окончания войны, а уж затем переехали в Эстонию.

В родительском доме дни летели быстро. Мне не спалось уже вторые сутки, хотелось выговориться за все прошедшие годы. Я вернулась как из небытия и, не останавливаясь, непрерывно рассказывала и рассказывала маме и папе свою жизнь без них. Растроганные родители внимательно слушали меня. Говорила о том, что верила в то, что обязательно найду свою семью.

Мои поиски, которые я начала с семи лет, оставшись одна, теперь, наконец, закончились. Я всегда верила, что они живы. Такие прекрасные и добрые родители не должны были умереть. Дни, недели, месяцы, годы поисков и переживаний ушли для меня теперь в прошлое, но навсегда остались в памяти. А сейчас, находясь в родительском доме, я подводила итог всему, что случилось со мной за это долгое время. Я чувствовала себя очень счастливой. Жаль, конечно, что мало довелось пожить в невозвратном моем детстве. Там у меня было свое измерение времени. День мне казался годом, а год – вечностью. Но повзрослевшую жизнь вспять уже не повернешь. Детство должно быть радостным, счастливым, а у меня были страх, горе, боль, страдания. Как я выжила, как уцелела – сама не пойму.

Главными виновниками всему были те взрослые, которые вбили себе в головы и возомнили свое превосходство во всём над другими людьми, их захлестнула волна ненависти и жестокости к миру и доброте, честности и справедливости. Имя им – фашисты!

С этими мыслями я, закрывая глаза, начинала засыпать в родном доме. И снова в наплывающем сне начинала вспоминать... Больница, война, бродяжничество, лес, голод, холод, концлагерь, побои, издевательства, освобождение, детдом, наказ учителя, учеба, работа, встреча. Все прошло, все осталось позади. Зачем мне это только снится! Я ведь дома у своих любимых родителей!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Но время летело очень быстро, и пора было возвращаться на работу и к мужу. В 1958-м я вышла замуж, а на следующий год по семейным обстоятельствам была переведена на работу в Пржевальск в Иссык-Кульскую областную типографию, где трудилась до 1993-го года...

Жизнь продолжается. Сегодня народ нашей страны готовится к славному юбилею: 70-летию Победы над фашистской Германией. Среди многих дат истории нашей родины День Победы остается для меня и многих наших соотечественников самым волнующим днем в году. Хотя прошло много лет со дня окончания войны, но мы продолжаем вспоминать тех, кто выстрадал эту победу, чьи судьбы связаны с жестокой войной. Эти люди заслуживали и заслуживают внимания каждый день. Среди нас живут ветераны, последние, кто видели эту войну и знают ее ужасы не понаслышке. Среди них есть те, кто был в фашистских застенках. Детство, проведенное малолетними узниками за колючей проволокой в концлагерях, всегда будет примером мужества. Память о той страшной войне мы должны сохранить в наших сердцах.

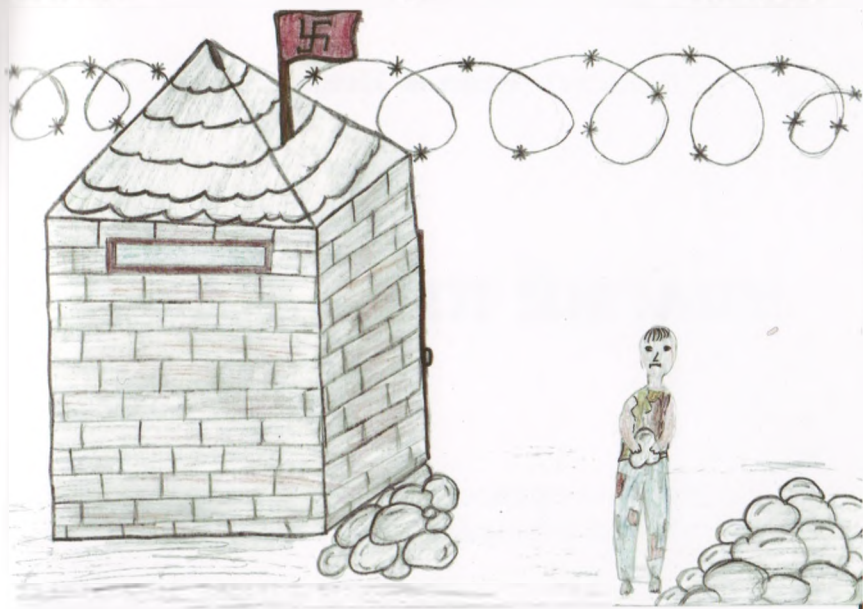

Рисунок Юсуповой Интизары, бкл, школа-гимназия.

Рисунок Султановой Амины, 5кл, школа-гимназия №11.

Вахитов Равиль Исмаилович

ДОЛГИЙ ПУТЬ ДОМОЙ

Рисунки предоставлены учащимися
общеобразовательных школ города Каракол.

Подписано в печать 25.03.2015
Заказ №1. Тираж 200

Общественное объединение
«Равные возможности «Dream-Мечта»
г. Каракол, ул. Алыбакова д. 167
тел: 5 33 13

